ГАСТРОЛИ

ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ КЛАССИКИ И МОДЕРНА

Никогда бы ни подумала, что знаменитый плакат Жана Кокто, вдохновленный «русскими сезонами» Сергея Дягилева появится нынче на фасаде нашего Национального театра оперы и балета. «Дела давно минувших дней» мгновенно ожили в литературной памяти, и предстоящий визит «Балета Монте-Карло», столь тесно связанный с именами, творившими эти сезоны, приобрел особую значимость. Вскоре состоялось и знакомство с труппой.

Афиша гастрольного репертуара вместила в себя имена прославленных балетмейстеров и композиторов, наименования произведений самых различных по жанру и стилю. А пространство, отданное артистам балета, так органично чувствующих себя и в строгих канонах академического танца, и в зольных ритмах мюзик-холльного балета, и в причудливых структурах танца-модерн, поведало о многом. В частности, о том, сколь высок профессиональный уровень труппы, сколь универсальны актерские возможности, исполнительская культура.

Вначале был Баланчин... Первые четыре концерта. Это щедрый дар от организаторов гастролей, учитывающих наше пристрастие к великому балетмейстеру, которое, конечно, связано не только с грузинскими корнями основоположника американского балета. В этом скоротечном мире есть вечные ценности, и звезда Джорджа Баланчина, ярко светящаяся на балетном небосклоне, из их числа.

Балет «Рубины» — одна из частей своеобразной трилогии «Драгоценные камни». К его созданию балетмейстера вдохновляло многое: детские впечатления от «Спящей красавицы» Петипа, встреча с чудаком и поэтом, ювелиром, способным расслышать мелодию в огранке камня, музыка Стравинского, вся в неожиданных переливах, в капризных и своенравных преломлениях ритма.

Баланчина танцевать нелегко. Надо обладать особым чувством ритма и музыкальностью, умением подчинять себя воле хореографа и быть при этом абсолютно свободным, поскольку балеты Баланчина созданы для свободного человека.

Балет «Рубины» красочен и красив. Хореограф щедро одарил нас композициями, присущими только его поэтичной фантазии, а актеры принесли на сцену восточный колорит и славянские мотивы и окутали все в пелену баланчиновского доброго юмора. Из кордебалета выделится Анна Дерьё — дразнящая, смешливая. Исполнит свой танец, выстроенный на резковатых, угловатых движениях, и уступит место дуэту Паолы Канталупы и Питера Льютена. Здесь совместится несовместимое: целомудрие и чувственность, детские шалости и смелость раскованных поз. Танцовщицы, воле балетмейстера послушные, нарушат канон классической школы, но никогда — эстетику танца.

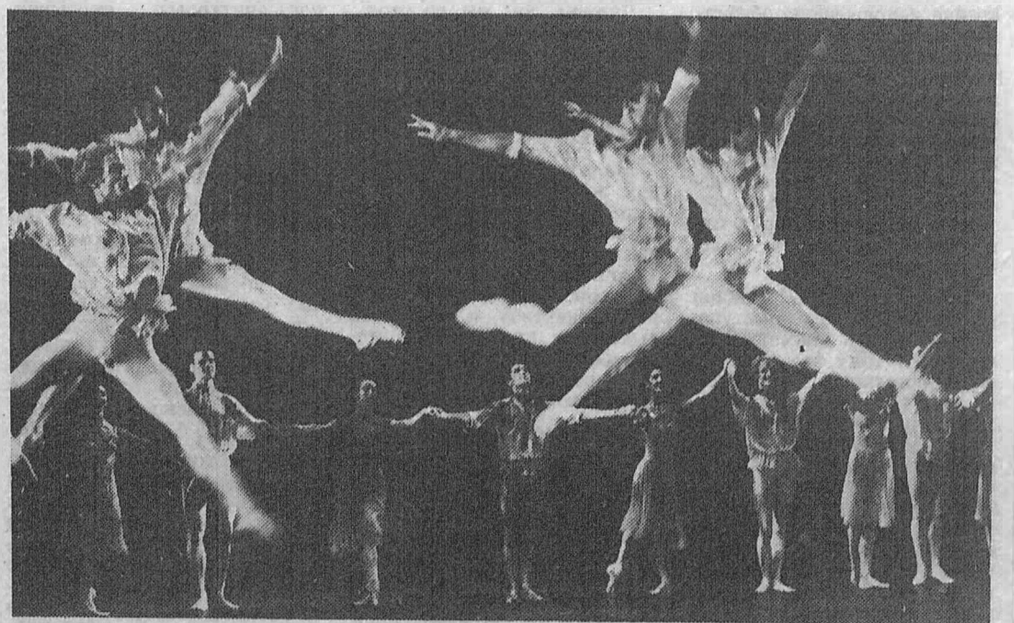
«Скрипичный концерт» поиному, но продолжает традиции балетного неоклассицизма хореографии «Рубины». Автору его, Стравинскому, не удалось увидеть свой балет, воплощенным на сцене. Он был поставлен год спустя, после кончины композитора, в честь светлой его памяти. Два дуэта обрамлены токкатой и каприччио. Здесь царят Беатрис Беландо и Оливер Векстин, Анна Дерьё и Николя Мюзен. Два полярных дуэта прочитываются как единая песнь любви. Мажорная беззаботность, всплеск эмоций первого сменят тревога и печаль второго. Истинность чувств далека от безоблачности — отсюда необыкновенно бережно прикосновение Его к своей нежной возлюбленной и щемящее чувство грусти от понимания эфемерности и хрупкости прекрасного.

«Тема с вариациями» вновь напомнит нам о Петипа. Как бы отдавая дань петербургскому балету, его воспитавшему, Баланчин во всем блеске представит нам величие классического танца. Окружит прелестную солистку Эвелин Дезютер и ее партнера Фредерика Оливьери стройными рядами кордебалета, удивит божественной симметрией и подведет к лирическому прозрачному адажио. В этом адажио, слившимся с музыкой Чайковского в единое целое, балетмейстер очарует нас гармонией и еще раз напомнит об удивительных возможностях академического танца.

Если искусство Баланчина потрясает, восхищает, то знакомство с работой американского хореографа Джона Ноймайера, возглавляющего гамбургский балет — удивляет. Нам представили «Десятую симфонию» Густава Малера, в которой заявлены балетмейстерское кредо, стиль, мышление. Это синтез классики и танца модерн, то есть того основного направления, в русле которого развивается современная хореография. Но когда смотришь «Десятую симфонию», меньше всего думаешь о жанре, поскольку внимание зрителя полностью захвачено происходящим на сцене. Ноймайер как-то скажет: «В моей жизни были сильные потрясения», возможно, отсюда — неоднократное обращение балетмейстера к Малеру. Композитору, который, по его словам, всю жизнь сочинял музыку, отвечая на один вопрос Достоевского — как могу я быть счастлив, если где-нибудь страдает другое существо. Малеру не удалось дописать симфонию, говорят, перед смертью он настаивал на ее уничтожении. Ноймайер подарил ей новую жизнь, и, очевидно, долгую.

Это история юноши, пришедшего в наш грешный мир и сполна испытавшего все: любовь и ревность, боль и радость, заглянувшего в бездну порока и вырвавшегося из его объятий, чтобы увидеть «звездное небо над головой».

Фредерик Оливьери духовно столь сопричастен к своему герою, что превращает зрителя в соучастника действа. Порой физически ощущаешь вздох облегчения, когда, наконец, придет Она — Эвелин Дезютер и восстановит прерванную гармонию. А в минуту отчаяния героя, сжимаешься в кресле, глядя на беззвучно кричащий рот, и немой крик этот трудно не услышать. И финал: балетмейстер простыми и фантастическими средствами напомнит нам, сколь бренно и тленно человеческое тело и бессмертна душа.



Сложный мир хореографии Ноймайера сменит балет Иржи Килиана «Ночные метаморфозы» на музыку Арнольда Шёнберга. Творчество балетмейстера как бы связующее звено между двумя хореографическими направлениями. Тем, которое присуще Баланчину, и тем, которое исповедует Морис Бежар. Но как всякий одаренный человек он — самобытен.

Сценическое пространство «перенесет» нас на опушку какого-то мистического леса, и зыбкие клубы тумана окутают четыре фигуры. Это артисты Каролина Эноу и Питер Льютен, Паола Канталупа и Николя Мюзен. Польется музыка, на удивление соответствующая импрессионистской тональности балета. Хореография Килиана изыскана и своеобразна. Композиции строги и одновременно раскованы. Он так выстраивает балет, что добивается эффекта неожиданности, смутной тревоги, чувства наваждения, переходящие в ночные фантасмагории. Балет этот так же бессюжетен, но вечная тема человека, стоящего перед лицом великой и непостижимой тайны бытия, заявлена здесь с большим тактом и высоким художественным вкусом.

...Затем настала очередь Жака Оффенбаха и его «Парижских веселий». Этот спектакль Леонида Мясина, одного из первых балетмейстеров «Балле Рюс де Монте-Карло», продолжил знаменитые мюзик-холльные балеты, зародившиеся во Франции начала века. Мясин — весьма разносторонний хореограф, работавший в самых разных жанрах, тем не менее особенно тяготел к комическим, характерным балетам. Его спектакль «Парижские веселья» обречен на зрительский успех и доставляет радость даже самому рьяному пуританину. Такой парад красок, столь сногсшибательные костюмы, такое разнообразие колоритнейших персонажей, — от почтенного прожигателя жизни, лет, эдак, восьмидесяти от роду, до вертлявого дамского угодника, от лирической кокетливой героини до заходящихся в визге кафешантанных див — не могут не увлечь и не покорить зрительское сердце. И весь этот фантастический калейдоскоп из танцев, перьев, плюмажей и гусарских мундиров выливается в ураганный оффенбаховский канкан и окончательно завоевывает нас.

Была и встреча с творчеством основоположника психологического балета — английским хореографом Энтони Тюдором, и его балетом на музыку Дворжака «Листья вянут».

Труппой «Балета Монте-Карло» руководит Жан-Ив Эскуер, который продолжает развивать лучшие традиции этого коллектива, бережно охраняя хореографию, уже подернутую паутиной времени, и широко открывая двери новаторству и эксперименту. Судя по всему возможность проявить себя этой сильной балетной труппе в самом разнообразном репертуаре стимулирует и поднимает профессиональный уровень ее артистов, а нам, зрителям, дарит счастье от встречи с замечательным коллективом «Балета Монте-Карло».

Нелли ШУРГАЯ.

* * *

На снимке: танцуют солисты «Балета Монте-Карло». Фото Владимира Валишвили.

(Фотохроника ГРУЗИНФОРМа для «Зари Востока»).